

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТУВИНСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

© Надежда Монгуш

TUVAN-RUSSIAN BILINGUALISM IN A MODERN URBAN ENVIRONMENT

Nadezhda Mongush

The article analyzes Tuvan-Russian bilingualism functioning in the modern urban space, based on the city of Kyzyl, the capital of the Republic of Tuva. The aim of our research is to characterize the types of bilingualism realized in the speech practices of Tuvan youth within the context of an unbalanced language situation. The methodological basis consists of a sociolinguistic survey and analysis of the questionnaire data processed using quantitative methods. The research sample included 187 respondents aged 18–31, for whom the Tuvan language was the first acquired language. The results of the study demonstrate the prevalence of early sequential bilingualism, where the Russian language is actively acquired with the start of formal schooling. We established a clear functional distribution of the languages: the Tuvan language maintains dominance in the spheres of informal and intra-family communication (with parents, elderly relatives, in everyday life), while the Russian language absolutely predominates in official, business, educational, and professional communication. The obtained data indicate an active process of language shift in the urban environment, where the Russian language serves as a tool for social mobility, while Tuvan retains the role of a marker of ethno-cultural identity. The conclusions of the work contribute to the understanding of bilingualism dynamics in Tuva to be used in language planning and educational policy.

Keywords: Tuvan language, Tuvan-Russian bilingualism, bilingualism, Tuvans, Russian language, survey, sociolinguistic questionnaire

Статья посвящена анализу функционирования тувинско-русского билингвизма в современном городском пространстве на примере столицы Республики Тыва – города Кызыла. Цель исследования – охарактеризовать типы билингвизма, реализуемые в речевых практиках тувинской молодежи в условиях несбалансированной языковой ситуации. Методологическую основу составили социолингвистический опрос и анализ анкетных данных, обработанных с помощью количественных методов. Выборка исследования включает 187 респондентов в возрасте 18–31 года, для которых тувинский язык является первым усвоенным. Результаты исследования демонстрируют преобладание раннего последовательного билингвизма, при котором русский язык активно осваивается с началом школьного обучения. Установлено четкое функциональное распределение языков: тувинский язык сохраняет доминирование в сферах неформального и внутрисемейного общения (с родителями, пожилыми родственниками, в быту), тогда как русский язык абсолютно преобладает в официально-деловой, образовательной и профессиональной коммуникации. Полученные данные свидетельствуют об активном процессе языкового сдвига в городской среде, где русский язык выступает инструментом социальной мобильности, а тувинский сохраняет роль маркера этнокультурной идентичности. Выводы работы вносят вклад в понимание динамики билингвизма в Туве и могут быть использованы в языковом планировании и образовательной политике.

Ключевые слова: тувинский язык, тувинско-русский билингвизм, типы билингвизма, тувинцы, русский язык, анкетирование, социолингвистическая анкета

Для цитирования: Монгуш Н. Функционирование тувинско-русского билингвизма в условиях современного городского пространства // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 1 (83). С. 118–125. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-118-125

В условиях глобализации изучение билингвизма приобретает особую актуальность. В мультикультурных регионах России, таких как

Республика Тыва, билингвизм является повседневной реальностью.

Проблематика тувинско-русского билингвизма и функционирования языков в Республике Тыва является предметом активного научного интереса. Проведенные исследования позволяют выявить ряд устойчивых тенденций, характеризующих сложную и противоречивую языковую ситуацию в регионе.

Ключевой вывод, подтверждаемый рядом авторов, заключается в наличии глубокого разрыва между формально высоким статусом тувинского языка и его сужающейся функциональной ролью. Как показали Т. Г. Боргоякова и А. Н. Биткеева [1], а также Н. Ч. Серээдар [2], несмотря на законодательное закрепление, тувинский язык вытесняется из официально-деловой, профессиональной и публичной сфер, где безусловным доминантом выступает русский язык. Этот процесс языкового сдвига в пользу русского языка, особенно заметный среди молодежи и в городской среде, констатируется в комплексных социолингвистических исследованиях Ч. С. Цыбеновой [3] и подтверждается данными полевых исследований М. Я. Каплуновой [4].

Важным аспектом проблемы является сфера образования, где, как выявляет работа М. В. Бавуу-Сюрюн [5], реальное использование тувинского языка как средства обучения ограничено и фрагментарно из-за нехватки учебно-методических комплексов и недостаточной подготовки педагогических кадров.

Противоречие наблюдается и на уровне индивидуальных установок: исследование Г. А. Дырхеевой и Ч. С. Цыбеновой [6] демонстрирует несоответствие между декларируемой лояльностью тувинскому языку как маркеру идентичности и прагматической ориентацией на русский язык, открывающий более широкие социальные и образовательные перспективы.

Новой ареной функциональной конкуренции языков становится цифровая среда, причем, как отмечает Ч. К. Ламажаа [7], онлайн-пространство не только предоставляет новые возможности для тувинского языка, но и усиливает его конкуренцию с русским и английским, трансформируя традиционные коммуникативные практики.

Таким образом, исследования свидетельствуют об активном процессе языкового сдвига в Республике Тыва. Тувинский язык сохраняет сильные позиции преимущественно в бытовой и семейной сферах, тогда как его использование в образовании, публичной коммуникации и официальных контекстах сокращается, что определяет его как уязвимый в долгосрочной перспективе.

Для углубленного анализа структуры данного несбалансированного билингвизма ключевое

значение имеет учет внутренней социально-экономической и пространственной неоднородности республики. Так, данные всероссийской переписи населения 2020 г. [8] демонстрируют, что при практически равном распределении населения между городом (151 992 чел.; 55,3 %) и селом (150 670 чел.; 44,7 %) и подавляющем большинстве титульной национальности общие цифры скрывают значительную вариативность языковых ситуаций. Эта вариативность напрямую обусловлена различиями в социально-экономических условиях, структуре занятости и уровне образования, которые закономерно формируют дифференцированные модели языкового поведения.

Ярким индикатором служит уровень образования: лишь 41 844 человека имеют высшее образование, что существенно меньше числа лиц со средним специальным (53 089) и средним (44 982) образованием. Данные о владении и использовании языков также подтверждают географическое неравенство: в городской местности тувинским языком владеют 120 297 человек, а используют в повседневной жизни 116 514, в то время как в сельской местности эти показатели составляют 132 656 и 131 361 человек соответственно [8]. Указанная статистика подтверждает тезис о более высокой жизнеспособности тувинского языка в сельской местности и усиленном прессинге русского языка в урбанизированной среде.

Именно данное противоречие обусловило фокус нашего исследования, который был целенаправленно смещен на анализ языковой ситуации в группе молодежи с высшим образованием, проживающей в столице республики – г. Кызыле. Выбор этой социальной группы не случаен: именно в ней под одновременным влиянием урбанизации, высшего образования, профессиональных амбиций и интеграции в глобальное информационное пространство процессы языкового сдвига протекают наиболее интенсивно и рельефно. Таким образом, изучение языковых практик и установок данной выборки респондентов позволяет выявить не столько текущее состояние, сколько формирующуюся норму и будущие траектории изменения билингвизма в регионе.

Вместе с тем мы подчеркиваем, что полученные выводы обладают ограниченной репрезентативностью и не могут быть экстраполированы на все население Республики Тыва. Они отражают специфическую ситуацию в ключевой социальной страте, что позволяет говорить не об общей картине, а о выявлении ведущих векторов трансформации. Более того, исследование фокусиру-

ется на вариантах билингвизма, складывающихся в университетской и околоуниверситетской среде Кызыла, что задает его второе значимое ограничение.

С учетом указанных рамок цель настоящей статьи формулируется следующим образом: охарактеризовать типы билингвизма, реализуемые в речевых практиках носителей тувинского языка в условиях несбалансированных языковых ситуаций в молодежной университетской среде г. Кызыла.

Теоретическая основа исследования

Для достижения поставленной цели необходимо предварительно рассмотреть основные подходы к определению понятия «билингвизм» и критерии его типологизации.

Отсутствие единой трактовки этого термина в лингвистике обуславливает необходимость уточнения его значения в рамках настоящего исследования.

Современная лингвистика предлагает разветвленную типологию билингвизма, основанную на комплексе взаимодополняющих критериев. В рамках данного исследования акцент сделан на тех оппозициях, которые наиболее релевантны для анализа речевых практик в условиях несбалансированной языковой ситуации Республики Тыва. Методологической основой послужил подход, разработанный в коллективной монографии «Русский язык в условиях контактирования: тюркско-русское языковое взаимодействие» [9], где детально исследованы типы билингвизма в регионах со схожими социолингвистическими параметрами. Основываясь на данной концепции, а также на положениях ее авторов, изложенных в [10], [11], мы применяем ряд ключевых характеристик для анализа тувинско-русского двуязычия.

Рассмотрение билингвизма в тувинском контексте опирается на устоявшийся теоретический фундамент. Как справедливо отмечает В. С. Диброва, современная типология билингвизма представляет собой область с развитым категориальным аппаратом [10]. Многообразие предлагаемых в научной литературе классификаций объединяет обращение к узкому кругу повторяющихся базовых критериев, что подтверждает их универсальную значимость [12], [13], [14, с. 30–35]. Цель настоящего исследования заключается не в систематическом описании всех возможных типов, а в выявлении и интерпретации ключевых дихотомий, применимых к данным анкетирования. В качестве таких базовых параметров, наиболее значимых в когнитивном и социолингвистическом аспектах, рассматриваются

возраст овладения вторым языком и уровень его функциональной активности.

Время усвоения второго языка является важнейшим классифицирующим признаком, поскольку возраст, в котором происходит освоение языка, напрямую влияет на когнитивные механизмы владения им и коммуникативный потенциал индивида. По этому признаку противопоставляются ранний и поздний билингвизм, при этом внутри раннего типа выделяются одновременный (два языка осваиваются параллельно) и последовательный (второй язык осваивается после формирования основ первого). Теоретической базой для этой типологии служат исследования когнитивного развития, нейропластичности мозга и гипотеза о критическом периоде освоения языка [15]. Считается, что второй язык, усвоенный естественным путем в раннем детстве, по ряду параметров приближается к первому языку, тогда как язык, выученный в более позднем возрасте, редко достигает уровня компетенции носителя. Впрочем, современные исследования подчеркивают, что возрастной фактор взаимодействует с другими переменными, такими как мотивация, уровень когнитивного развития и индивидуальные личностные характеристики [16].

Несмотря на признанную значимость этого противопоставления, проблема временных границ между ранним и поздним билингвизмом остается дискуссионной. Так, Э. Леннеберг определял «критический период» в широких рамках – от 2 лет до начала пубертатного периода [17, с. 176–178]. Ю. Майзель, в свою очередь, полагает, что оптимальный возраст для формирования раннего билингвизма начинается до 2 лет, постепенный спад способности к неограниченному усвоению языка наступает к 5 годам, а критический период заканчивается между 7 и 10 годами [18, с. 111–112].

Для становления одновременного билингвизма критически важны качество и количество «языкового ввода» (language input) – языкового материала, который ребенок воспринимает от окружающих [19]. Последовательный ранний билингвизм, часто формирующийся в условиях функционального распределения языков (например, язык семьи vs. язык социума), типичен для многонациональных государств. В таких ситуациях в семьях этнических меньшинств сохраняется язык наследия (heritage language), а вторым, доминирующим в обществе языком, ребенок овладевает вне семейного круга, как правило, в образовательной среде [20], [21], [22]. Именно этот тип, обозначаемый в современной литературе как херитажный билингвизм, представляет осо-

бый интерес для анализа языковой ситуации в Туве.

Оппозиция раннего и позднего билингвизма тесно связана с другими, функционально обусловленными противопоставлениями.

Активный и пассивный билингвизм. Эта дихотомия, восходящая к работам У. Вайнрайха и других классиков [12], [13], отражает различие в уровне языковых компетенций. При активном билингвизме носитель свободно использует оба языка во всех видах речевой деятельности, тогда как при пассивном демонстрирует ограниченную продуктивную компетенцию в одном из языков (например, понимает речь, но не говорит). Важно, что это противопоставление не является статичным и отражает текущее состояние речевых практик индивида.

Аддитивный и субтрактивный билингвизм. Противопоставление, введенное У. Ламбертом [23, с. 200], основывается на социальном контексте освоения второго языка. Аддитивный билингвизм характеризуется изучением второго языка без ущерба для первого, когда оба языка получают поддержку и развиваются параллельно. Субтрактивный билингвизм возникает, когда второй язык начинает вытеснять первый в процессе освоения. Формирование данного типа часто обусловлено дисгармоничной языковой политикой и социальным неравенством носителей миноритарных языков.

Основанием для противопоставления активного/пассивного и аддитивного/субтрактивного билингвизма служит уровень языковой компетенции, который определяет полноту коммуникативных функций, реализуемых билингвом. Эти аспекты наиболее релевантны для социолингвистического анализа, находящегося в фокусе настоящего исследования.

Важно подчеркнуть, что выделенные типы билингвизма не являются взаимоисключающими. Конкретные билингвальные практики формируются на пересечении различных социолингвистических параметров, что позволяет многоаспектно описать гибкие и ситуативные модели использования языков. Однако эта сложная картина языкового сосуществования может маскировать начальные стадии глубокого процесса – языкового сдвига.

Материалы и методы

В данной статье мы выделяем типы билингвизма с использованием социолингвистических опросных методик, методов обработки полученных материалов в технологиях баз данных и приемов количественного анализа.

На начальном этапе исследования материалы для анализа собирались методом анкетирования. Мы использовали анкету, разработанную в лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета коллективом авторов на основе переработки социолингвистической анкеты О. А. Казакевич [24] и анкеты языкового опыта билингва В. Мариан, Х. Блюменфельд и М. Каушанской [25]. Анкета была апробирована в ходе исследований таджикско-русского и узбекско-русского билингвизма.

В качестве основного инструмента сбора эмпирических данных выступила анкета, структурно разделенная на два ключевых блока.

Социолингвистический блок был нацелен на построение социального и языкового портрета респондента. В него вошли вопросы, фиксирующие базовые биографические данные (время и место рождения, проживания, этапы образования и профессиональной деятельности), а также детальная информация о характере приобретения и использования языков.

Лингвистический блок анкеты был призван систематизировать параметры владения языками, находящимися в ситуации контакта. Первая часть этого блока была посвящена фиксации явлений языкового контакта, таких как интерференция и переключение кодов. Вторая часть сосредоточена на сборе детальных данных о каждом языке билингва в отдельности: возрасте и условиях его усвоения, частоте и контекстах использования в различных коммуникативных сферах.

Анкетирование проводилось в цифровом формате с использованием платформы Google Forms. Анкета, содержащая 41 вопрос, была тематически разделена на разделы. Сочетание открытых и закрытых вопросов в каждом разделе позволило собрать как стандартизированные количественные данные, так и качественные субъективные оценки. После завершения сбора данных ответы были автоматически экспортированы в таблицу Google Sheets для последующей структурированной обработки и анализа.

В данной статье анализ опирается на часть вопросов, ответы на которые позволяют смоделировать и верифицировать ключевые типы билингвизма в исследуемой выборке.

Для определения типа билингвизма по соотношению языков анализировался блок вопросов о родном языке, языке первого усвоения, а также о частоте и ситуациях использования русского и тувинского языков в повседневной жизни. Это позволило дифференцировать респондентов на монолингвов и билингвов, а среди последних выделить варианты – от сбалансированного дву-

язычия до явного доминирования одного из языков.

Для классификации по времени и последовательности усвоения (ранний/поздний, одновременный/последовательный билингвизм) интерпретировались ответы на вопросы о возрасте начала освоения каждого языка, языке(ах) общения в семье в дошкольный период и языке(ах) получения образования на разных его этапах.

Для определения типа билингвизма по уровню владения и функциональному признаку (рецептивный/продуктивный, субординативный/координативный) использовались данные самооценки уровня владения языками и предпочтительного языка в различных социальных сферах (бытовое общение, профессиональная деятельность, потребление информации, досуг).

Таким образом, предложенная модель типизации строится на последовательном анализе конкретных блоков анкеты, что обеспечивает верифицируемость и обоснованность полученных результатов.

Исследование проводилось на целевой выборке молодежи, проживающей в г. Кызыл. Для целей данного исследования, сфокусированного на варианте билингвизма, где тувинский язык является первым, а русский – вторым, была сформирована репрезентативная выборка. В итоговый анализ вошли данные 187 респондентов в возрасте от 18 до 31 года, которые указали тувинский в качестве первого усвоенного языка. Респонденты, назвавшие родным русский язык, были исключены из анализа.

Важной характеристикой выборки является ее принадлежность к университетской и околоуниверситетской среде, что обуславливает высокую степень интеграции респондентов в русскоязычное информационное и профессиональное пространство. При этом значительная часть респондентов является приезжими из сельских районов Республики Тыва, где тувинский язык сохраняет доминирующие позиции. Эта особенность накладывает отпечаток на их лингвистические биографии, создавая сложный профиль билингвизма, сочетающий ранний тувинскоязычный опыт с последующей интенсивной русификацией в образовательной и городской среде.

Анализ и результаты исследования

Для классификации респондентов по типам билингвизма был проведен анализ трех ключевых аспектов: 1) языковой репертуар и определение родного языка; 2) возраст и последовательность усвоения второго языка; 3) сферы и интенсивность использования языков в текущих коммуникативных практиках.

На первом этапе анализировались языки, составляющие билингвальную пару, и хронология их усвоения. Респонденты указывали первый, второй и третий языки, а также последовательность их изучения в виде ранжированного списка.

Результаты показали, что подавляющее большинство опрошенных в качестве первого усвоенного языка указали тувинский. Русский язык был первым для лишь 7 респондентов. Эти данные позволяют классифицировать основную часть выборки как последовательных билингвов, у которых русский язык был усвоен после того, как сформировались базовые навыки родного (тувинского) языка.

Второй этап был направлен на определение типа билингвизма на основе временных параметров усвоения второго языка. Хотя анкета не была изначально ориентирована на эту задачу, она содержала вопросы об использовании языков в разные возрастные периоды (0–6, 7–11, 12–17, 18–25, 26–50 лет и старше 50). Это позволило ретроспективно реконструировать индивидуальные языковые биографии.

Интерпретация данных проводилась в соответствии с теоретическими концепциями, разграничивающими ранний и поздний билингвизм. Поскольку ключевыми навыками при освоении языка в детстве являются понимание и говорение, в качестве ключевого показателя был выбран возраст начала регулярного использования второго языка. На этом основании были выделены следующие типы:

- ранний одновременный билингвизм: усвоение обоих языков началось до 7 лет;
- ранний последовательный билингвизм: второй язык был усвоен в период от 7 до 12 лет;
- поздний билингвизм: активное усвоение второго языка началось после 12 лет.

Такое разграничение, несмотря на определенную условность возрастных границ, соответствует устоявшимся представлениям в психолингвистике, где период до полового созревания (примерно 12 лет) считается критическим для естественного овладения языком [18].

Анализ использования языков в разные возрастные периоды позволил выделить три основные группы, представленные ниже.

1. Ранние одновременные билингвы (19 человек, 10,2 %): начали использовать русский язык параллельно с тувинским в дошкольный период (0-6 лет). Эта группа включает респондентов, выросших в городской русскоязычной или смешанной среде.

2. Ранние последовательные билингвы (94 человека, 50,3 %): начали активно осваивать и

использовать русский язык с началом школьного обучения (7-11 лет). Это наиболее массовая модель, отражающая стандартный образовательный путь, когда ребенок из тувинскоязычной семьи приходит в русскоязычную или двуязычную школу.

3. Поздние последовательные билингвы: продолжили активное освоение русского языка в старших классах (12-17 лет) и в молодости (18-25 лет). К 18-25 годам русский язык используют 176 респондентов (94,1 %), что свидетельствует о его доминирующей роли в период получения высшего образования и профессионального становления.

Функциональное распределение и доминирование языков

Третьей задачей исследования явился анализ функционального распределения языков и выявление доминирующего языка в повседневных практиках респондентов. Для сбора эмпирических данных был использован следующий пункт анкеты: «Пожалуйста, укажите в процентах количество времени, в течение которого Вы в настоящее время находитесь в среднем под влиянием (говорите, слушаете и т. д.) каждого языка (общее количество должно составлять 100 %)».

Анализ данных выявил, что, несмотря на относительно равное распределение времени использования языков (тувинский – 51,4 %, русский – 46,3 %), их функциональное распределение по сферам общения демонстрирует четкое и устойчивое разграничение. Это свидетельствует о комплементарном использовании языков, обусловленном социальным контекстом: так, один язык преимущественно закреплен за приватными сферами (например, семейно-бытовое общение, традиционные практики), тогда как другой доминирует в публичных (например, профессиональная деятельность, официальное общение, медиапотребление). Следовательно, количественный паритет не отменяет ярко выраженной функциональной специализации, которая является ключевым фактором для определения языкового доминирования в конкретной коммуникативной ситуации.

Таблица 1
Распределение языков по сферам общения

Сфера общения	Тувинский язык	Русский язык
С пожилыми людьми	170 (90,9 %)	46 (24,6 %)
С родителями	169 (90,4 %)	40 (21,4 %)
В быту	163 (87,2 %)	66 (35,3 %)
С детьми	67 (35,8 %)	75 (40,1 %)
При официальном общении	54 (28,9 %)	178 (95,2 %)

Данные таблицы показывают, что тувинский язык является безусловным доминантом в неформальных, семейных и этнокультурных сферах (общение с пожилыми, родителями, в быту). Русский язык абсолютно доминирует в официально-деловой сфере. Сфера общения с детьми является переходной, где русский язык уже медленно опережает тувинский, что может указывать на тенденцию к языковому сдвигу в молодых семьях.

Это подтверждается и данными о порядке доминирования языков. 126 респондентов (67,4 %) субъективно ощущают доминирование тувинского языка, в то время как 40 человек (21,4 %) – русского. Это указывает на несбалансированный, субординативный тип билингвизма, при котором, несмотря на высокую частоту использования русского языка, для большинства носителей тувинский сохраняет статус психологически доминирующего.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что для молодых тувинско-русских билингвов, проживающих в столице Республики Тыва, характерен несбалансированный, последовательный билингвизм субординативного типа. Лингвистическая биография большинства респондентов соответствует модели раннего последовательного билингвизма, когда русский язык активно подключается с началом школьного обучения.

Ключевой особенностью является четкое функциональное распределение языков: тувинский язык сохраняет сильные позиции в сфере неформального и внутриэтнического общения, выступая маркером культурной идентичности, в то время как русский язык доминирует в официально-деловой, образовательной и профессиональной сферах, воспринимаясь как инструмент социальной мобильности и успеха. Полученные данные согласуются с результатами работ [1], [2], [3], [4], [5], [6].

Список источников

1. Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>.
2. Серээдар Н. Ч. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>.
3. Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический ас-

пект / отв. ред. Г. А. Дырхеева. Иркутск: Оттиск, 2017. 170 с.

4. Каплунова Мария. Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.). *The New Research of Tyva*. 2022. 28–37. DOI: 10.25178/nit.2022.4.2.

5. Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>.

6. Бавуу-Сюрюн М. В. Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // *Новые исследования Тувы*. 2010. № 3. С. 57–71.

7. Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>.

8. Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками: табл. 5.13 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 15.10.2025).

9. Русский язык в условиях контактирования: тюркско-русское языковое взаимодействие. Ч. 1 / З. И. Резанова, Е. Д. Артеменко, В. С. Диброва [и др.]; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск: Изд. Томского гос. ун-та, 2024. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koaha:001158675> (дата обращения: 15.10.2025).

10. Диброва В. С. Типология билингвизма: теоретические основания и методы исследования // *Вопросы языкознания*. 2019. № 5. С. 78–95.

11. Диброва В. С., Резанова З. И. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2025. № 97. С. 48–65. DOI: [10.17223/19986645/97/3](https://doi.org/10.17223/19986645/97/3).

12. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.

13. Mackey W. F. The Description of Bilingualism // *Journal of Canadian Linguistics*. 1962. Vol. 7 (2). P. 51–85.

14. Grosjean F. *Studying Bilinguals*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 314 p.

15. Birdsong D. Plasticity, Variability and Age in Second Language Acquisition and Bilingualism // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 81–95.

16. DeKeyser R. Age Effects in Second Language Learning: Stepping Stones Toward Better Understanding // *Language Learning*. 2013. Vol. 63 (1). P. 52–67.

17. Lenneberg E. H. *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley, 1967. 489 p.

18. Meisel J. M. Early Child Second Language Acquisition: French Gender in German Children // *Child Language Bulletin*. 2018. Vol. 38 (1). P. 108–125.

19. Paradis J. Individual differences in child English second language acquisition: Comparing child-internal

and child-external factors // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2011. Vol. 1 (3). P. 213–237.

20. Montrul S. *The Acquisition of Heritage Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 358 p.

21. Polinsky M. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 428 p.

22. Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Defining an «ideal» heritage speaker: Theoretical and methodological challenges // *Reply to peer commentaries*. 2013. Vol. 6 (2). P. 283–288.

23. Lambert W. E. *Culture and Language as Factors in Learning and Education* // *Education and Cultural Process: Anthropological Approaches* / ed. by G. D. Spindler. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1974. P. 195–203.

24. Казакевич О. А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

25. Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. *Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q)* // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. № 50 (4). P. 940–967.

References

1. Borgoyakova, T. G., Bitkeeva, A. N. (2020). *Tuvinskii yazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii* [The Tuvan Language in Legal and Functional Dimensions]. *Novye issledovaniya Tyvy*. No. 1, pp. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>. (In Russian)

2. Sereedar, N. Ch. (2018). *Tuvinskii yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy* [The Tuvan Language as a Means of Communication for Tuvans: Problems and Prospects]. *Novye issledovaniya Tyvy*. No. 1, pp. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>. (In Russian)

3. Tsybenova, Ch. S. (2017). *Sovremennaya yazykovaiya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskii aspekt* [The Modern Language Situation in the Republic of Tyva: A Sociolinguistic Aspect]. 170 p. Irkutsk, Ottisk. (In Russian)

4. Kaplunova, M. (2022). *Otsenka vospriyatiya yazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniya 2021 g.)* [Assessment of the Local Population's Perception of the Language Situation in the Republic of Tyva (Based on Field Research in 2021)]. *Novye issledovaniya Tyvy*. No. 4, pp. 28–37. DOI: [10.25178/nit.2022.4.2](https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2). (In Russian)

5. Dyrkheeva, G. A., Tsybenova, Ch. S. (2020). *Yazykovye ustanovki i yazykovaya loial'nost' nositelei malykh yazykov v usloviyakh natsional'no-russkogo dvuyazychiya (na primere buryat i tuvintsev)* [Language Attitudes and Language Loyalty of Speakers of Minority Languages in Conditions of National-Russian Bilingualism (Based on Buryats and Tuvans)]. *Novye issledovaniya Tyvy*. No. 1, pp. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>. (In Russian)

6. Bavu-Syuryun, M. V. (2010). *Tuvinskii yazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt* [The

- Tuvan Language at the Present Stage: The Educational Aspect]. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 3, pp. 57–71. (In Russian)
7. Lamazhaa, Ch. K. (2021). *Sotsial'naya kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo* [The Social Culture of Tuvans and Online Space]. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2, pp. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>. (In Russian)
8. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.). *Official'nye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2020 goda. Tom 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami: tabl. 5.13* [Official Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 5. National Composition and Language Proficiency: Table 5.13]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn2020> (accessed: 15.10.2025). (In Russian)
9. Rezanova, Z. I., Artemenko, E. D., Dibrova, V. S. [et al.]. (2024). *Russkii yazyk v usloviyakh kontaktirovaniya: tyurksko-russkoe yazykovoje vzaimodeistvie. Ch. 1* [The Russian Language in Contact Situations: Turkic-Russian Language Interaction. Part 1]. Tomsk, izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:001158675>. (In Russian)
10. Dibrova, V. S. (2019). *Tipologiya bilingvizma: teoreticheskie osnovaniya i metody issledovaniya* [Typology of Bilingualism: Theoretical Foundations and Research Methods]. *Voprosy yazykoznanija*. No. 5, pp. 78–95. (In Russian)
11. Dibrova, V. S., Rezanova, Z. I. (2025). *Tipy bilingvizma v nesbalansirovannykh yazykovykh situatsiyakh Yuzhnoi Sibiri* [Types of Bilingualism in Unbalanced Language Situations in Southern Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 97, pp. 48–65. doi: 10.17223/19986645/97/3 (In Russian)
12. Weinreich, U. (1953). *Languages in Contact: Findings and Problems*. 148 p. New York, Linguistic Circle of New York. (In English)
13. Mackey, W. F. (1962). *The Description of Bilingualism*. *Journal of Canadian Linguistics*. Vol. 7 (2), pp. 51–85. (In English)
14. Grosjean, F. (2008). *Studying Bilinguals*. 314 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
15. Birdsong, D. (2018). *Plasticity, Variability and Age in Second Language Acquisition and Bilingualism*. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9, pp. 81–95. (In English)
16. DeKeyser, R. (2013). *Age Effects in Second Language Learning: Stepping Stones Toward Better Understanding*. *Language Learning*. Vol. 63 (1), pp. 52–67. (In English)
17. Lenneberg, E. H. (1967). *Biological Foundations of Language*. 489 p. New York, Wiley. (In English)
18. Meisel, J. M. (2018). *Early Child Second Language Acquisition: French Gender in German Children*. *Child Language Bulletin*. Vol. 38 (1), pp. 108–125. (In English)
19. Paradis, J. (2011). *Individual Differences in Child English Second Language Acquisition: Comparing Child-internal and Child-external Factors*. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. Vol. 1 (3), pp. 213–237. (In English)
20. Montrul, S. (2016). *The Acquisition of Heritage Languages*. 358 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
21. Polinsky, M. (2018). *Heritage Languages and Their Speakers*. 428 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
22. Benmamoun, E., Montrul, S., Polinsky, M. (2013). *Defining an "Ideal" Heritage Speaker: Theoretical and Methodological Challenges*. Reply to Peer Commentaries. Vol. 6 (2), pp. 283–288. (In English)
23. Lambert, W. E. (1974). *Culture and Language as Factors in Learning and Education*. In: G. D. Spindler (Ed.), *Education and Cultural Process: Anthropological Approaches* (pp. 195–203). New York, Holt, Rinehart and Winston. (In English)
24. Kazakevich, O. A. (2006). *Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya)* [Documenting Endangered Languages of Siberia (Based on Data from Two Settlements in Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. No. 3(44), pp. 221–231. (In Russian)
25. Marian, V., Blumenfeld, H. K., Kaushanskaya, M. (2007). *Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q)*. *Speech Language and Hearing Research*. No. 50 (4), pp. 940–967. (In English)

The article was submitted on 07.02.2026

Поступила в редакцию 07.02.2026

Монгуш Надежда Оттуковна,
аспирант,
Томский государственный университет,
634050, Россия, Томск,
Ленина, 36,
Старший преподаватель
кафедры иностранных языков,
Тувинский государственный университет,
667000, Россия, Кызыл
Ленина, 36.
nadezhda.mongush.96@mail.ru

Mongush Nadezhda Ottukovna,
graduate student,
Tomsk State University,
36 Lenin Str.,
Tomsk, 634050, Russian Federation,
Senior lecturer,
department of foreign languages,
Tuvan State University,
36 Lenin Str.,
Kyzyl, 667000, Russian Federation.
nadezhda.mongush.96@mail.ru